

Игорь ЮРКИН,
доктор исторических наук

**ДЕМИДОВ,
ТУЛА,
ЮБИЛЕЙ**

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ*

5 апреля 2006 г. — 350 лет со дня рождения Никиты Демидовича Демидова (Антюфеева),
3 апреля 2006 г. — 370 лет доменной металлургии России

Вот несколько слов о Никите Демидове, а также о Туле, которые, мне кажется, нужно сказать сегодня, когда ему 350, в городе, где он родился, где строил свою судьбу, откуда уходил и куда возвращался, где почил, оставшись навсегда. Почти промолчу об общероссийском значении его деятельности — деятельность большинству известна, значение очевидно. Демидов в Туле, Тула в Демидове — понять суть взаимных этих проникновений и растворений друг в друге, кажется мне, сейчас интереснее, да и важнее — пора же наконец тулякам определиться со своим отношением к этому человеку и этой дате.

Первое. Демидов и Тула неразделимы, и это утверждение — отнюдь не только формула юбилейной вежливости.

Демидов — ключевое имя для обозначения и понимания целого этапа истории Тулы. В 50-х гг. XVII века (время, когда Никита родился) это был вполне рядовой русский город, несколько своеобразный по составу и занятиям населения, но не более. Грядущая его уникальность пребывала в потенции, подобно экспонированной фотопленке ожидала проявления. Тула после умерших в один год царя Петра и Демидова — уже сложившийся, не похожий на другие организм. Сегодня от той Тулы осталось немного, и, чтобы увидеть ее, нужно не только тренированное зрение, но и немалый труд. И все же взгляды. Два пульсирующих энергией сердца (заводы Демидовский и Оружейный), два масштабных, достойных столиц архитектурных ансамбля — кремль и каменный Оружейный двор, обширная и технически хитроумная система водных коммуникаций — водотоки, пруды, плотины, шлюз Ивановского канала, образовавшие в центре, между кремлем и Демидовским заводом, удивительный для нашей лесостепи кусочек европейского города на воде — не то Амстердама, не то Венеции. Рожденные здесь при царе Алексее Михайловиче не узнавали свою колыбель.

Множество воли и рук творило новую Тулу. Но два имени особенно значимы для ее будущего: Петр I и Никита Демидов.

Судьба Тулы определялась в поисках пути модернизации оружейной промышленности. В начале XVIII в. вопрос стоял остро: развивать ее в Туле или сворачивать? Металлургия столь основательно выжгла окрестные леса, что расширять здесь «огнедействующие» производства представлялось очень рискованным. Последний резерв — Тульские засеки — берегли для судостроения. Было время, когда казалось, что шансов стать оружейной столицей страны Тула имеет не больше, чем сейчас — столицей Олимпиады. Приступив к строительству в Ярославле Оружейного двора, куда решено было перевести тульских

* В основу публикации положено выступление автора на торжественном собрании в честь 350-летия Н. Д. Демидова, проведенном в Туле 5 апреля 2006 г. по инициативе Международного Демидовского фонда и Тульского областного историко-архитектурного и литературного музея.

казенных кузнецов — всех и навсегда, ей подписали смертный приговор. Что после этого осталось бы от их традиций в Туле? Промысел в лучшем случае.

Пожар уничтожил построенное в Ярославле, проект отложили. Но только ли «Вулканова дерзость» (выражаясь языком того времени) спасла оружейную Тулу? Ведь ничто не мешало выбрать для новой попытки изобильный лесами край — благо таких мест в России было пока в избытке.

Решение изменили, полагаю, не без участия Демидова. Никита хозяйствовал тогда на Невьянском заводе, полученном вместо принадлежавшего ему Тульского, взятого в казну. Но, вращая в Урал, предприниматель не терял интереса и к тульскому краю: держал с сыном завод под Алексином, добивался возврата завода в Туле. Там, где другие видели тупик, он рассмотрел перспективу (какую — особый вопрос). А к его мнению власти прислушивались внимательно — известны случаи, когда прямо обращались к нему как к эксперту. Прислушались и теперь, отменив прежнее решение и избрав в качестве базы для развития казенного оружейного производства по-прежнему Тулу. Последовавший за этим знаменитый Указ о строительстве здесь Оружейных двора и заводов (Сенатский, от 15 февраля 1712 г.) надолго определил будущее города. Кстати, Демидовский завод — первая в Туле вододействующая мануфактура — во многом явился их техническим прототипом.

Не решусь утверждать, что Демидов спас оружейную Тулу. Но без него ее спасение точно не обошлось.

Вклад Демидовых в историю Тулы этим далеко не исчерпывался. Повторю: конец XVII — первая четверть XVIII в. во многих смыслах и отношениях *демидовский* период ее истории.

В демидовском инкубаторе вызревали промышленные династии Баташевых, Мосоловых, Красильниковых, Постуховых, Володимеровых. Примером и успехом лидера они вдохновлялись, служа у него, учились. Придет время — капиталами вчерашних учеников перестроится город, украсится домами-дворцами и дивными храмами. Но они пройдут по проторенному, во всяком случае — намеченному до них. Вот силуэт Московской стороны города (упского правобережья). Основные вертикальные доминанты его застройки — колокольни двух Христорождественских церквей (в Кузнечной слободе и в Чулкове) и часовая башня доменного завода между ними — создания Демидовых. И какие бы в дальнейшем трансформации ни претерпевал этот силуэт, каркас его — три демидовские башни — сохранялся еще долго.

Прервав на этом раскрытие первого тезиса, не могу удержаться от его повторения. Демидов и Тула действительно неразделимы, сколько бы ни тщились беспамятство, бескультурие и зависть доказать нам обратное.

Второе. Никита Демидов — одно из наиболее совершенных реальных воплощений лучшего, что собрано в рабочем человеке, в мастере: тяги к новым знаниям и умениям, природной талантливости, усиленной и высветленной упорной огранкой, наполненности внутренней энергией, неистовой увлеченности делом, стремления дойти в работе до мыслимого совершенства...

Погруженность в земные заботы совмещалась с религиозностью. Замеча-

тельно интересное упоминание о Демидове оставил историк В.Н. Татищев, ценное тем более, что он с Никитой одно время (служба на Урале) открыто враждовал, а значит, в лакировке фактов подозревать его никак не приходится. *«Мы все знали кузнеца, а потом дворянина Никиту Демидова, которой грамоте не учен, но другие ему Библию читали; он все, в памяти достойное, в которой главе стих, не токмо сказать, но пальцем место указать мог».* Нет сомнения, что перед нами свидетельство и о замечательной памяти неграмотного кузнеца, и о глубоком его интересе к Писанию, к истинам, открытым в Откровении.

Длительное время все это как бы не замечалось, в общественное же сознание внедрялись иные образы, призванные воплощать идеал Мастера-творца. Таким воплощением объявлялся, например, придуманный писателем тульский мастеровой по прозвищу Левша. (Хотя прислушаемся: мудрый Лесков рассказывает свою историю, несколько героя не идеализируя, напротив — не скрывая некоторой иронии.) Понятно, чем так долго нравился идеологам Левша и возмущал Демидов: один выбился из низов в капиталисты, другой остался среди народа. И вот до сих пор молимся литературному персонажу, когда в подлинной истории есть претенденты, более достойные занять узурпированное почетное место. Неужели блоха, подкованная за письменным столом, перевешивает заводы, оставленные России ее великим кузнецом? А все еще водим хороводы вокруг Левши. Массовая галлюцинация какая-то.

Тезису третьему следовало бы родиться на пересечении первых двух: значения Демидова для истории Тулы и характеристики личных качеств Мастера. Следствие взаимного их умножения — непреходящая актуальность личности Никиты и оставленного его родом наследия, в том числе в сфере благотворительности, прославившей потомков, пожалуй, не меньше, чем достижения в экономике. Но на этом, за обширностью темы, не останавливаюсь.

Последнее. Историографии демидовского рода больше двухсот лет, но и сегодня первый Демидов — одна из самых загадочных фигур в тульской истории. Как будто почти все, чего мы о ней не знали, все, что годами ленились спросить, собралось и воплотилось в его фигуре. Говорю так, имея за плечами почти двадцатилетний опыт архивных поисков и открытий.

Вот, в качестве примера, свежая архивная находка, обнаружившая факт совпадения — совпадения неожиданного и останавливающего внимание своим символизмом. Недавно в Российском государственном архиве древних актов я обнаружил документ, содержащий весьма важную дату истории первого в России доменного завода — Городищенского под Тулой. Оказывается, первая поставка в казну произведенного на нем железа состоялась по старому стилю 24 марта, по новому — 3 апреля 1636 г. Таким образом, хотя события разделяет двадцатилетний промежуток, день рождения доменной металлургии России и день рождения одного из самых великих российских металлургов очень близки, почти совпадают.

Знал ли об этом Демидов? Знает ли? Со своего странного огненного портрета колючим сфинксом глядит он на нас, не отвечая на обращенные к нему вопросы — сам требуя ответов. Ждет, глядя с таким напряжением, что не всякий выдержит — смутится, отвернется, возвратится на привычное: в мир милой Тулы, к ее пряникам, самоварам и яснополянским башенкам.

Сегодня город встречает демидовский юбилей подчеркнуто буднично, в тучке дел. Умеренностью внимания к нему юбиляр едва ли слишком обижен: за три с половиной столетия повидал всякое. Да и не ему, а нам, нашей душе нужны зримые следы былого, реликвии веков.

С каждым днем все меньше остается от старой Тулы. Кто знает, сколько останется лет через сто, даже пятьдесят. Но пока хотя бы одному сердцу будет дорога память о великой славе его Родины, будет жить в нем и имя Никиты Демидова.